

Список литературы

1. Исследование выполнено при поддержке ГКН МОН РА в рамках армяно-белорусского совместного научного проекта № 13РБ-059.
2. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2015/07/I201507_2_3.pdf
3. Экспорт из Армении в страны Евразийского союза резко сократился // электронный ресурс - <http://ru.1in.am/1096100.html>
4. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-июле 2015 года, Социально-экономическое положение Республики Армения в январе -июле 2012 года // электронный ресурс - <http://armstat.am/ru/?nid=82&id=1373>
5. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2015/07/I201507_8_1.pdf
6. Официальный сайт Государственной Миграционной Службы Армении // электронный ресурс - <http://www.smsmta.am/?id=60123> Статистический ежегодник Армении, 2014, стр. 564.
7. Статистический ежегодник Армении, 2014, стр. 24.
8. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-июле 2015 года, стр. 98.
9. Оверченко М., Россия привлекла меньше прямых иностранных инвестиций, чем Босния и Герцеговина // электронный ресурс - <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/09/14/608637-rossiya-menshe-inostrannih-investitsii-bosniya>

УДК 330.101

НОВЫЙ ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Солодовников С.Ю., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой
«Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Беларусь

Во время Второй Мировой войны и сразу после нее на островах Тихого океана распространился культ карго. На эти острова для снабжения воюющей американской армии военно-транспортной авиацией было десантировано огромное количество грузов. Это

внесло коренные изменения в жизнь островитян, поскольку огромное количество промышленных товаров (одежда, обувь, консервы, палатки, оружие и т.д.) тем или иным путем попадали к туземцам. Когда в конце войны воздушные базы были заброшены, а груз («карго») больше не прибывал, туземцы не захотели мириться с резким снижением уровня и качества потребления, к которому к тому времени уже привыкли. Опираясь на свои представления о происхождении материального богатства и жизненный опыт островитяне начали предпринимать действия для того, чтобы получить товары и увидеть падающие парашюты, прилетающие самолёты... Каковы же были эти действия? Разумеется самые очевидные. С точки зрения аборигенов. Они построили в натуральную величину из дерева и травы взлетно-посадочные полосы, контрольно-диспетчерские вышки, разводили костры и прикладывали к ушам наушники из дерева, призывая груз («карго») и прикладывали их к ушам, находясь в построенных из дерева контрольно-диспетчерских вышках. Но божественные самолеты не прилетали, и грузы с неба не падали. Тогда туземцы, проявив последовательность достойную лучшего применения, полностью отказались от своих прежних религиозных воззрений, существовавших до войны, и стали более тщательно поклоняться аэродромам и самолётам. Со временем распространение культа карго сократилось, но некоторые аборигены ждут божественных товаров и сегодня, продолжая поклоняться деревянным самолетам и посадочным полосам. Смешно? Да не очень, поскольку если заменить термин «карго» на «саморегулирующийся рынок», а полуголого жреца - на либерально мыслящего интеллектуала рыночника, а острова Тихого океана на постсоветское пространство 90-х и 00-х годов, то становится не до смеха. Поскольку если в первом случае «члены культа обычно не понимают в полной мере значимость производства или коммерции. Их понятия о современном обществе, религии и экономике могут быть частичными и фрагментарными» [1], то во втором наблюдается то же самое упрощенное представление о процессах происходящих в современной рыночной и пострыночной экономике.

Очень похожая ситуация наблюдается сегодня и в экономической науке, когда некоторая часть научного сообщества

убеждена в том, что применение тех или иных экономических теорий и практик, доказавших свою состоятельность 20, 30, 50 и более лет тому назад, позволит решить сегодняшние не простые проблемы. При этом не так уж и важно, что именно предлагается взять за основу – кейнсианские механизмы преодоления экономического кризиса, ордолиберальную политику ФРГ или экономические реформы Г.К. Орджоникидзе и А.Н. Косыгина в СССР. Важно то, что все эти экономические инструменты были эффективны лишь в свое время, в уникальном цивилизационном и историческом контексте. Но время, прошедшие десятилетия, а иногда и века, за счет aberrации дальности естественным образом упростили наше представление о давно прошедших реформах, превратив их из живого, постоянно меняющегося процесса в мертвую схему. В результате, как метко заметил в свое время А.А. Галич: «Сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения». А мировая и национальная экономика – это живые и очень быстро эволюционирующие системы.

В настоящее время в различного рода литературных источниках и в электронных СМИ происходит лавинообразный рост диаметрально противоположных суждений как о перспективах развития мировой и национальных экономик, так и о том какие формы хозяйственного регулирования экономически эффективны. В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления. Конечно, экономической науке не следует забегать вперед с поспешными прогнозами, но не следует и отставать от требований времени, чтобы события не казались неожиданными. Поэтому уже сегодня возникает насущная необходимость выявить и спрогнозировать те процессы и явления, которые характеризуют современную экономику. Решение этой задачи требует ревизии методологических основ исследования процессов хозяйствования, а начинать надо с уточнения объекта экономической науки.

Экономика в последние десятилетия претерпела небывалые изменения, которые радикальным образом изменили ее объект.

Сегодня рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими их формами. В идеале в зависимости от того какая из форм хозяйствования на том или ином историческом этапе обеспечивала общество необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, та и преобладала. Экономика, как правило, была и остается многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, - снижать трансакционные издержки.

Для современного экономически развитого общества (которая называют постиндустриальным, сверхиндустриальным, информационным, пострыночным, посткапиталистическим и т.д.) характерно: во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации; во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг; в-третьих, в формировании принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Иллюстрируя этот разрыв Ж. Бодриар в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолт-стрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [2, с.40]. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить

(не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)» [3, с.42]; в-четвертых, в возрастании роли общественно-функциональных инноваций. С расширением применения общественно-функциональных технологий для принуждения акторов к желательному для Манипулятора поведению, посредством целенаправленной подачи информации в интернете и традиционных СМИ, значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в информационном обществе – С.С.), - пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, - по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вожделием ждем изображения»[3, с.22] и, в-пятых, в значительном изменении роли и функций информации в хозяйственной жизни, в увеличении значения знаний для развития экономики. С другой стороны в современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в интернете, приходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим»¹. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечно, подобно казни на электрическом стуле» [2,с.49]. В последнем случае речь идет по существу об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными классами и даже отдельными коммерческими организациями. Вместе с тем эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями,

---

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с. – с. 21

технологическими решениями в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Под воздействием принципиально новых явлений в хозяйственной деятельности экономическая система общества радикально изменилась, невероятно усложнившись. Как результат этого в современной экономической науке зачастую характерен недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, действие которых может радикальным образом влиять (а в современном глобальном мире и влияет) на классическое протекание экономических циклов, зачастую быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе, изменяя объект экономической науки. В результате и у нас в стране и за рубежом дискуссии об объекте, предмете, задачах и возможностях этой науки. Так, например, среди американских экономистов в последние годы становятся нередкими предложения вообще отказаться от использования математических моделей при исследовании национальной экономики. В свою очередь профессор Колумбийского университета М. Вудфорд справедливо отмечает, что ему «не кажется, что на пути к более надежным экономическим рассуждениям следует отказаться от привычки экономистов использовать модели» [3], но необходимо существенно повысить их качество, поскольку сегодня экономисты, как отмечает другой американец Д. Кей, слишком часто прибегают к некачественным моделям [4].

Действительно, если исходить из некоторых экономико-математических моделей (в данном случае имеются в виду те расчеты, в основе которых лежат излишне упрощенные, а иногда и преднамеренно ложные вводные [5]) или теоретических построений сторонников либерального направления экономической мысли, то можно сделать ложный вывод, что снятие барьеров в допуск на внутренний рынок зарубежных инвестиций всегда благо для экономики. На самом деле это умозаключение в корне неверно и вредно. Для любой национальной экономики может иметь катастрофические последствия моментальное проникновение в нее глобальных, спекулятивных в своей основе, финансов. Уже упомянутый Ж. Бодрийяр много лет назад писал, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир

таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала).» [2, с.42] Далее он подчеркивает, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [2, с.43].

Сегодня в нашей стране существуют и активно развиваются несколько научных экономических школ и направлений. Между ними ведется активная дискуссия, отражающая широкий спектр взглядов на те или иные экономические явления, на объект и предмет экономической теории и частных экономических наук. Белорусская наука усилиями этих ученых не только не выпала из мирового информационного пространства, но и вносит заметный вклад в мировую науку.

Естественно, что взгляды белорусских исследователей на современную экономическую науку, ее предмет и инструменты различны. Это проистекает как из того к какому научному направлению принадлежит тот или иной ученый, так и из его личного житейского опыта, мировоззрения и целей, которые он преследует. Разнообразие теоретических взглядов и используемой методологии в целом полезно для любой науки. Не является исключением и экономическая наука. Но эта польза сохраняется лишь до тех пор, пока мы имеем дело с добросовестным и грамотным специалистом. Дж. Кейнс в свое время сказал: «Если мне докажут, что моя точка зрения не верна я ее поменяю». По существу это императив поведения настоящего ученого. Нельзя быть правым во всем и всегда, но не всегда удастся без посторонней помощи разобраться в своих просчетах и ошибках. В этом плане нет ничего более полезного для добросовестного исследователя, чем замечания его грамотных критиков. Исходя из этой точки следует приветствовать науковедческие исследования, которые всегда выступали и будут выступать базой соотнесения различных

научных школ и направлений. Конечно же если эти исследования осуществлены на основе соблюдения общенаучных методов и в целях служения истине, а не личным амбициям. Но не будем забегать вперед.

В свое время Р. Фейнман в своей речи, произнесённой в Калифорнийском технологическом институте заметил, что как самолётопочклонники (*сторонники культа карго – С.С.*) воссоздают облик аэродрома, вплоть до наушников с «антеннами» из бамбуковых палочек, но самолёты при этом не садятся, так и некоторые учёные часто проводят исследования, имеющие все внешние атрибуты настоящей науки, но в действительности составляющие псевдонауку, не достойную ни поддержки, ни уважения [1]. Рассмотрим это на примере статьи кандидата экономических наук П.Н. Пекутько «Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация», опубликованной в Вестнике БГЭУ №1 в 2015 году. Уже когда читаешь название этого околонучного экзерсиса возникает вопрос, а может ли термин «функциональная специализация» быть использован при рассмотрении научной специализации? Если исходить из того, что специализация в науке - это исторически определенная качественная дифференциация научной деятельности, обусловленная ее функциями, то становится очевидным, что нет – это научная тавтология.

Автор научной статьи по экономике должен, прежде всего, дать определение тому явлению, которое он описывает. Для чего проводится комплексное исследование существующих точек зрения, показываются их преимущества и недостатки, из чего становится ясно почему потребовалась уточнить используемые категории, либо их по новому определить. Можно взять и чье-либо готовое определение, но и в этом случае аргументировано доказать почему оно является истинным. Белорусские ученые П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина справедливо напоминают по этому поводу, что «если обратиться к истории экономического анализа, то традиционными окажутся дискуссии не по *самому фактическому материалу*, а по способу его добычи, аргументации и тестированию». [6, с.35]

Чтобы не выбрал автор, категорическим требованием современной общенаучной методологии является дословное приведение используемых литературных источников, что подтверждается заковычиванием цитат. Ничего этого в статье П.Н. Пекутько нет. Когда читаешь его работу на ум сразу приходит афоризм Ежи Леца: «Он был настолько невежественен, что цитаты из классиков выдумывал сам». Остановимся на последнем подробнее. В начале статьи П.Н. Пекутько пишет: «Рассматривая белорусскую экономическую науку через призму субъектного состава, *предметной исследовательской направленности или используемой методологии (выделено нами – С.С.)*, на наш взгляд, можно вести речь о существовании в ней различных экономических школ». [7, с.15] Не будем останавливаться на том, что предметная исследовательская направленность – это часть используемой методологии, поскольку если судить по статье, то этот автор вообще имеет слабое представление о том, что такое научная методология, а отметим, что на следующей странице им дается его определение научной школы, «применительно к белорусской экономической науке» [7, с.15], под которой понимается «исследовательская организация, обладающая достаточно многочисленным (не менее пятидесяти сотрудников) устойчивым научным коллективом, разрабатывающая собственную исследовательскую программу и сформировавшая стабильную систему внутреннего воспроизводства научного потенциала и передачи знаний». [7, с.16] У думающего читателя естественно возникают вопросы: Почему выбрано именно это определение? Почему, по мнению П.Н. Пекутько, белорусская экономическая наука настолько специфична, что необходимо определять ее научные школы не так как в других странах? Но ответы на них отсутствуют. А было бы интересно услышать объяснение, почему если применить подход П.Н. Пекутько к определению экономических школ, то оказывается, что в XIX веке не было марксистской экономической школы; не было школы А. Смита и Д. Риккардо; не было ордолиберальной школы, поскольку ее основоположник В. Ойкен был редактором ежегодника «Ordo», объединявшим видных немецких экономистов, работавших в *разных* организациях и т.д.

Нам не представляется целесообразным далее подробно

рассматривать всю статью П.Н. Пекутько, поскольку она вся построена на неумении или нежелание учитывать труды предшественников и соблюдать общенаучные принципы. А написано нашими учеными интересных фундаментальных работ по белорусских научным школам на сегодняшний день немало – это и целая плеяда ученых из БГЭУ, это и профессор П.С. Лемещенко и др.

После развала СССР и отказа от монополии марксистско-ленинской методологии в обществоведении привел к кризису в общественных науках. «Преодоление кризиса экономической мысли и кризиса самой экономики, - отмечают П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина, - поставило перед экономической наукой три группы задач: парадигмальное обновление; выбор типа хозяйственного порядка и модели экономики, к которой мы хотим прийти; разработка конкретных форм хозяйственной деятельности, соответствующих выбранному типу хозяйственного порядка» [6, с. 34]. Несмотря на определенный прогресс в решении этих задач они до настоящего времени не решены. Более того, как справедливо констатируют вышеупомянуты авторы - «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. Это проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании *интуитивно-описательного метода*» [6, с. 35]. Снижение общетеоретического уровня национальной экономической науки уже само по себе всегда опасно, поскольку не только повышает риски принятия неправильных решений в практике хозяйствования на национальном и отраслевом уровнях, но и перестает выполнять такую важнейшую идеологическую функцию фундаментальной экономической науки (политической экономии) как идеологическую. По моему глубокому убеждению без выработки у молодежи и всего населения позитивной экономической идеологии, которая неразрывна связана с пониманием места нашей страны в мировой экономике, преимуществ нашей модели и социального характера хозяйственной деятельности невозможно будет успешно противостоять информационным атакам извне, которые по мере распространения и

совершенствования информационного оружия будут только усиливаться. Сегодня можно с уверенностью сказать: хочешь жить в мире и достатке – готовься к информационной войне.

Следует подчеркнуть, что гносеологический кризис в отечественной экономической науке по времени совпал с глобальным изменением объекта экономической науки и расширение пострыночного хозяйственного уклада в экономически развитых странах. На смену классической рыночной экономике, где предприниматель ориентировался на увеличение прибыли быстро пришла экономика, где вместо этого показателя определяющим становится капитализация активов (роста цены акций и других ценных бумаг), в результате ускоряется рост фиктивной экономики и происходит ее отрыв от экономики реальной. В свою очередь капитализация активов во много начинает зависеть от мнения различных рейтинговых агентств и экспертов и уже нельзя понять что первично в этой безудержной гонке роста капитализации: сама предшествующая капитализация (когда сами непрофессиональные участники рынка формируют спрос на ценные бумаги для себя же самих), рейтинги и экспертные мнения или же все таки реальная экономика? Как результат перед белорусской наукой встает задача ответить на эти новые вопросы, когда мы еще не успели определиться с тем как отвечать на все старые. Архисложная задача. Но, на мой взгляд, выполнимая. Но для этого надо чтобы в экономической науке стало не допустимым не соблюдение базовых общенаучных и политэкономических принципов.

Почему я с оптимизмом смотрю на будущее белорусской науки? Да потому что у нас уже сегодня существует значительные научный задел, продолжают функционировать и развивать многие научные школы и направления, появляются и набирают силу новые школы. Но сделать предстоит еще очень много и в том числе добить того, чтобы какой-нибудь Пекутько несколько раз подумал, перед тем как написать статью без серьезного ознакомления с ее предметом.

В качестве примера существования белорусской научной школы приведу известную в стране и за ее пределами школу субъектно-цивилизационного подхода к исследованию экономических феноменов. Сегодня представители этой школы объединены не столько организационными рамками (хотя есть пример и

организационному оформлению многих ее представителей на кафедре «Экономика и право» БНТУ), не только конкретной тематикой, но и общей системой взглядов, идей и традиций, сохраняющейся, передающейся и развивающейся в течение нескольких научных поколений. Основателем школы считается Г.Т. Ковалевский, который в 50-60-е годы XX века провел фундаментальный анализ сущности стоимости и ренты. Его разработки и разработки его учеников (Э.А. Лутохина, П.Г. Лютко и др.) послужили методологической основой становления в 80-е годы XX века под руководством Н.В. Герасимова научного направления, рассматривающего субъектов, их стремления, потребности, способности в качестве главной движущей силы экономического развития. Последнее позволило преодолеть рамки вульгарного экономизма при исследовании реальных социально-экономических процессов и ввести в качестве сфер экономической системы наряду с материальным производством духовное производство, производство человека и производство социально-необходимого поведения субъектов. Была предложена конструктивно иная социальная парадигма экономики, опередившая свое время. До 90-х годов прошлого века школа развивалась преимущественно на базе Института экономики НАН Беларуси. Общность научных интересов современных представителей школы субъектно-системного подхода достигается широтой постановки исследуемых проблем при традиционном методологическом единстве, их актуальностью и соответствием мировым тенденциям развития экономической науки. Представителями этой школы являются А.П. Морова, С.Ю. Солодовников, Л.П. Васюченко, А.Л. Подгайский, О.А. Наумович, Т.В. Кузьмицкая и многие другие.

Список литературы

1. Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki/Карго> культ режим доступа 07.10.2015г.
2. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
3. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями (Ответ Джону Кэю) // Вопросы экономики. – 2012. - № 5 – С.14.

4. WoodFord V/ What's Wrong With Economic Models? A Response to John Kay // ineteconomics. org / blog / inet/ michael- woodford-response-johnkay. 2011.

5. Перкинс Джон. Исповедь экономического убийцы. Предисловие, научная редакция д.э.н., проф. Л.Л. Фитуни. – М.: Претекст, 2007. – С. 190-191.

6. Лемещенко П.С., Лаврухина И.А. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации // Вестник Ивановского государственного университета // Серия «Экономика», Вып. 1 (19), 2013.

7. П.Н. Пекутько Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация // Вестник БГЭУ.- 2015. - №1

УДК 314.06

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ¹

Подсмашная И.Н., ст. преподаватель кафедры
«Менеджмент предпринимательской деятельности»
ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

XX столетие стало для России временем огромных изменений — социальных, экономических, политических, культурных [1, с.3]. Для Республики Крым временем изменений стал 2014 год – год самоопределения, выбора вектора развития, создания предпосылок для реализации потенциала полуострова. Исследуя закономерности и перспективы социально-экономического развития Республики Крым необходимо анализировать экономическое поведение населения, результативность действий которого на микроуровне во многом определяет макропоказатели развития региона.

Социально-демографический портрет регионального рынка труда характеризуется неоднородностью изучаемой совокупности, динамичностью основных характеристик, наличием большого числа

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-22-01001